

Никита Рыбаченко

Грамота на бессмертие

Сложно выражать мысли о чем-то великом, когда сам ты к подобному и не приблизился. Можно изучить сколько угодно источников, пытеть над литературой, но слов необходимых не найти. Как архитектор-третьекурсник говорит о Гауди, так и я могу говорить о Губаре.

Мы не были знакомы, хотя возможности для этого существовали. Сейчас я хожу по тем местам, где он был. Сажу в кафе, которые он советовал в своих социальных сетях. Читаю публикации, которые он писал. Такая практика создает впечатление, что ты знаешь человека лично, хотя в быту это невозможно.

Его удивительно точные описания Одессы XIX века создают впечатление, что он видел это своими глазами. Человек, проживший одну жизнь, будто не мог оставить своему тексту столько эмоции. Кто должен был написать «Телемак», чтобы тот вызывал слезы? Ангел? Демон? Губарь.

Каждый из друзей Олега (предпочтительно называть их «губаристы»), с которыми мне приходилось общаться, описывали его очень разным: от выпивающего говоруна до тонкого мыслителя. Но все употребляли одно слово – «потрясающий». Потому что он действительно потрясал их. Если брать за основу мнение, что произведение – это одна десятая от автора, то Губарь был вершиной влияния на сердца людей.

Был. Потому как мы – поколение, не знакомое с Олегом Иосифовичем, – уже не поддаемся ему. Потому что не читаем, и посоветовать нам некому. Светило одессики, мэтр одесского мата

и специалист по вменяемому использованию в тексте слова на букву Ж может оказаться на обочине истории.

Однако надежду вселяет моя собственная допущенная в мыслях оговорка. Я стоял на Еврейском кладбище и думал: «Жалко, Олег Иосифович, что Вы меня не знали. Я-то Вас знаю». Эта оговорка вселяет надежду, что он не будет забыт. Не будет забыт детьми людей, которые его знали. И внуками этих детей. Теперь эта ответственность лежит на наших хрупких женских плечах – одесской интеллигенции и вздыхающей свиты, что пытается к этой интеллигенции подобраться.

Олег, словно цитируя своего любимого Пушкина, говорил всем нам и городу в целом: «Пора, красавица, проснись!». И призывал. Призывал к культуре, искусству, истории и распитию вина. Но Одесса так и не проснулась. Ему ничего не оставалось, кроме как оставить свои тексты рядом, на прикроватной тумбе. И когда красавица наконец очнется от безвольного культурного сна, она прочтет эти любовные записки со статусом «Грамота на бессмертие» и ахнет. Потому что окончательную бодрость в Одессу загонит небольшая подпись в правом нижнем углу листа: «О. Губарь».

